

# ТЕАТР.

## Красная газета. — 1926. — 21 июня На юбилей Домашевой.

Позвольте открыть маленький секрет: когда актриса празднует 25-летний или 30-летний и т. д. юбилей, то всегда так выходит, что она к нему 3—4 года готовится. Фактически, юбилей актрис бывает 28-летние, 33-летние и т. п.

Что касается М. П. Домашевой, то мне кажется, что, сохранив так мило молодость в облике, игре, в движениях, манерах, она может быть даже слегка поторопилась.

Полно, действительно ли прошло 30 лет с тех пор, как М. П. Домашева играла «Под душистой веткой сирени» с Орленовым. Есть такой водевил — прототип множества водевилей подобного рода, юная гимназистка на даче (неприменно на даче) заводит флирт с таким же юным гимназистом. Цензура в то время была очень строга и поэтому в афише писалось не «Гимназист», а «окончивший частное учебное заведение». «Окончивший частное учебное заведение» мил фуражку с серебряным гербом и, сидя на скамейке в парке рядом с гимназисткой, плел всякий вздор, она же осторожно, но твердо, вела его в храм любви. И вот я вспоминаю душистую ветку сирени. Парк, скамейку, цензуру и думаю: да, это та самая М. П. Домашева, и через сколько парков, скамеек, цензур она пронесла всю ту же жизненность, молодость, обаяние женского лукавства и смеющийся мерцающий зазор своих глаз. Какой феномен! Какая удивительная игра природы!

После Савиной, конечно, наша сцена не знала такой Марьи Антоновны, как М. П. Домашева. У Савиной было, пожалуй, больше тонкого комизма и стиля эпохи. У Домашевой — больше обаяния и кокетства. Она не ходит, а подпрыгивает, как молодая козочка. Ляпкина-Тяпкина, конечно, так не умела ходить. Но ведь и то сказать, Марью Антоновну обучала манерам такая воспитанная и тонкая барыня, как Анна Андреевна. И чтобы окончательно победить нас силою контраста, Домашева выступила в роли унтер-офицерши. Она сделала, т. е. показывала, что делает медовый, истонный голос молодой вдовы. Это было забавно, т. е. то, что для сценической иллюзии празднующая 30-летний юбилей актриса, принуждена, изображая не первой молодости бабу, делать над собой усилие и так, что это бросается в глаза.

Вот главное, что нужно сказать о спектакле. Об остальном я бы предпочел умолчать. «Ревизор» играется на Александринской сцене далеко не так, как ему следовало бы играть. Иных уж нет, а те далече... Ну, словом, не то. Традиции, впрочем, остались. А они хорошие, прочные, проверенные.

Не нравятся мне только одно — я это заметил и в Московском Малом театре, года два назад, и сейчас в Александринском: исправление текста («Ревизора» по разным черновым редакциям и рукописям. Огромная часть вставок определенно портит текст. Эти же самые вставки и дополнения, которые автор по собственному ли почину или по совету критиков и актеров, выбросил — и совершенно резонно, потому что они грубоваты и преувеличенно карикатурны. Восстановление их в академических изданиях Гоголя, конечно, желательно — с критико-библиографической точки зрения — но это совсем не нужно в театральном тексте. Точно также совершенно ни к чему вставлять сцену с Гибнером, ведущим свою роль на немецком языке. В обычном тексте Гибнер произносит нечленораздельные звуки и это и забавнее и больше соответствует положению Хлестакова. Хлестаков вынужден, слушая немецкую речь, водевиль, а в роли Хлестакова и так много соблазнов стать «волевым паркуном», как пишет Гоголь. Иное — сцена с Раскольниковым, которую иногда напрасно опускают. Она хороша и забавна и Ге ее очень недурно сыграл, но также к великому соблазну Горина-Горятинова, который тут превращает Хлестакова из пустопорожнего молодого человека, почти что в мошенника.

Я полагаю, что это вопрос серьезный — об утверждении подлинного лучшего текста «Ревизора». Ну вот, положим пример: Хлестаков врет, что его однажды чуть было не приняли за главискомандующего. Из какого-то списка вставляются слова: «А однажды меня приняли за турецкого посланника». Совсемно понятно — почему про турецкого посланника Гоголь вымарал. Это — «нарочно»; это карикатурное преувеличение, в которое мы не верим, потому что атому вранью ассоциативно неоткуда было явиться. Зачем же портить хорошее в погоне за обновленным текстом.

А. КУГЕЛЬ